

Сны мегаполиса

Анна Бялко

Малая Мстя

«Октопус»

Бялко А.

Малая Мстя / А. Бялко — «Октопус», — (Сны мегаполиса)

ISBN 5-94887-024-3

«Сны мегаполиса» – современные городские новеллы, в которых, как во сне, стирается граница между реальностью и фантазией. Действительность в них преображается, а все мечты выглядят осуществимыми. Вы узнаете тайну старого дома, познакомитесь с чертовой бабушкой, посетите страну фей... И забудете о всех делах и проблемах!

ISBN 5-94887-024-3

© Бялко А.
© Октопус

Анна Бялко

Малая Мстя

Он был Большим. Сильным. Очень Сильным. Сила была в нем всегда, если не с рождения – этого он по понятным причинам помнить не мог – то с детства. С самого детства. Он понял это очень рано, лет в десять. Уже тогда он мог заставить других выполнять то, что хотелось ему. И однажды, сделав это в очередной раз – что именно, он уже не помнил, это было совсем неважно – он встретил случайный взгляд отца, который всегда был для него первым авторитетом, и прочел в этом взгляде одобрение, тайную гордость – и его всего как будто окутало теплым плащом. Отец тоже обладал силой – и, признав силу в нем, как будто поделился своей.

Он рос, и вместе с ним росла его сила. Он пользовался ей, стараясь, впрочем, всегда делать это разумно. И люди слушались его. В школьном классе он был заводилой, неформальным лидером, как это называют теперь, в институте неформальное лидерство уже сочеталось с формальным – староста группы, отличник и надежда курса, дальше – больше. Сейчас он был почти без дураков лидером довольно крупной политической партии, можно сказать, народным вождем и всеобщим любимцем. Впрочем – любимцем ли? Люди слушались его и шли за ним, это да, но вот – любили… Это было неочевидно. Может быть – просто боялись. Хотя – совершенно неважно. Главное, чтобы послушание было беспрекословным, а оно таким было. Всегда. И тогда, когда он был простым студентом, и теперь, когда в его подчинении находились покорные тысячи. А любовь – это в данном масштабе становится вторичным. Впрочем… Она тоже, конечно, была. Вот женщины, например, безусловно его любили. Верно, преданно и с готовностью служить. Все, как одна. Вернее, кроме одной.

Эта одна была его первой женой. Мало того, что она в свое время ушла от него – бросила, пренебрегла – она к тому же посмела потом быть счастливой. Без него, сама по себе. Это было возмутительно и обидно. Он старался не вспоминать о ней. Очень тщательно старался забыть ее и все, что было с ней связано. Потому что эти воспоминания – а они отчего-то так и норовили прорваться откуда-то в сознание, даже без всякой связи с сюжетом – всегда огорчали. А огорчаться было нехорошо. На это тратилась сила, а сила всегда была нужна для другого. Жена же – да пусть ее. Ушла, живет себе где-то там – и ладно. У него давно уже есть другая. У него все есть. Нельзя тратить силу по пустякам, особенно сейчас. Сейчас наступает такое время, когда сила нужна ему вся целиком, до последней частички. Не тратить по ерунде, вспоминая о бывшей жене, а наоборот, собирать, собирать отовсюду, черпая из подвластных людей, направляя на достижение большей власти… Если у тебя есть власть – ты можешь забирать у других их силу. Потому что Власть – это Сила. А Сила – новая Власть. И сейчас ему нужны они все…

Между прочим, бывшая жена – раз уж она так упорно лезет ему в память – тоже может здесь пригодиться. Какая б она ни была – Сила в ней тоже есть. И тоже немаленькая. Он и выбрал ее в свое время именно из-за этого…

Он вспомнил, как вошел тогда в институтскую аудиторию – и прямо замер на месте. На скамье наверху сидела девушка – а вокруг нее ярко светилось, играло и переливалось огнями облако Силы. Легкой, прекрасной, еще совершенно незамутненной и ясной, как у ребенка. Это облако было такой красоты и притягательности, что оставалось только удивляться, как все остальные умудрялись его не замечать. И не было никаких сомнений – эта девушка со своим облаком должна принадлежать ему, и только ему.

Впрочем, наверное, остальные тоже что-то замечали – не отдавая отчета, подспудно. Эта девушка вечно была окружена какой-то толпой. Если не поклонников, которых, как он выяснил, было немало, то каких-то нелепых подруг… Душа компаний, наше солнце – вот как называли ее эти идиоты. И стоило, право, немало труда – и силы тоже – поразогнать их всех. Правда, это можно было рассматривать, как выгодное вложение капитала. Силы. Стоило только пред-

ставить себе этот факел – в собственной власти – и руки сжимались, а внутри что-то замирало в предвкушении...

И он приложился, и попробовал, и вдоволь попил этой силы... А потом что-то случилось – и она перестала течь, и жена стала жесткой и злой, и сила не только не шла к нему, а даже наоборот – он отдавал жене свою силу... Не желая того, отчаянно сопротивляясь каждому шагу, но отдавал... А потом она ушла, унесла силу, увела дочку... Нет, он не будет сейчас вспоминать, это нельзя. Хотя силы там много, и если при случае присмотреться... Есть методы, есть возможности... Но это потом, потом...

Марина положила кисть, отступила на шаг. Осторожно, локтем, стараясь не испачкать и без того забрызганное краской лицо, вытерла лоб, отбросила с него непослушные колечки рыжих волос. Посмотрела внимательно на результат своих недельных трудов.

Картина не получилась. Нет, внешне все казалось очень даже неплохо. Безусловно, в ее привычном, легком, ненавязчивом полупрозрачном стиле. Очень узнаваемо. Вполне продаваемо. Но – все равно не то. В картине не хватало чего-то такого неуловимо-трепетного, почти незаметного для постороннего глаза, чего-то очень родного и обязательного... Наверное, это нечто и зовется – душа. Души не хватало в этой новой ее картине, души...

Марина отошла в угол комнаты, присела на стул, уронив руки на колени. Исписалась? Или это кризис среднего возраста, извечный жупел, которым современные психологи пугают всех подряд, накатил и на нее тоже? Она вспомнила, что и предыдущая картина, благополучно проданная месяц назад, тоже была инвалидом в смысле души. Да и та, что перед ней, в общем, не многим лучше... Но эта, именно эта... Она не торопилась ее начинать, она ходила с ней и вынашивала ее, как желанного ребенка, она ждала, пока придет, захлестнет веселая волна вдохновения и желания работать, и ей казалось, что она дождалась, что все было хорошо... И вот – пожалуйста.

Она вообще последнее время не в себе. Ходит по дому целыми днями, сама не своя. Нервы, усталость, домашние тут же лезут не в лад. И не надо бы начинать работать в таком состоянии, это и кошка знает, но ведь хотелось... Она всегда отдыхала в своей работе, всегда оживлялась, дышала полнее, и это было видно в картинах. Глядя на них, хотелось смеяться и петь. Раньше. А теперь – нет.

Наверное, это оттого, что год выдался такой трудный, сказала она себе. Еще бы не так – Марьянка заканчивает школу, готовится поступать. В Университет, и факультет не простой, филфак, там конкурс, желающих всегда выше головы. Марьянка, конечно, умница, она поступит, она и в школе прекрасно учится, и на курсы ходит, и репетиторов полон дом... Кстати, и из-за них еще приходится писать быстрее, чем хотелось бы, денег все это дело жрет – уйму. И все равно, от нервов куда деваться... «Чтоб дети ваши учились в последнем классе», – не зря же так говорят. А она тут со своими никчемными страданиями по поводу неправильно легших слоев краски... Да просто дура!

Вот пройдет наконец это чертова лето со всеми экзаменами, вот поступит Марьянка на свой филфак... А она поступит, непременно поступит, ведь, помимо всех курсов и репетиторов, которые, хоть и дорогие, но есть у всех, у Марьянки есть еще один козырь, похвалиться которым может совсем не каждый. Да, можно сказать, козырный король, и Марина, скрепя сердце, сама сделала это для дочки, хоть и не хотелось, и не лежала душа – но, когда речь идет о будущем ребенка, разве можно держаться за старые, пожелтевшие от времени дурацкие амбиции и никому не нужные принципы?

Марьянкин отец, Маринин же бывший муж, стал теперь страшной шишкой на московской политической арене – шутка ли, второе – да говорят, почти первое – лицо в одной из крупных партий... Неважно, что пока в оппозиции, место все равно недетское, да и выборы не за горами... И, говорят, это его второе место лучше иного первого – ближе к финансам, а у

нас ведь, кто правит деньгами, правит всем. И если такой человек, да позвонит куда следует, чтобы его ребенка приняли в Университет? Ну, или чтобы хотя бы отнеслись со вниманием... Это же шанс? Наш шанс. Марьянкин шанс. Ну и какая тут разница, что она с бывшим мужем уже десять лет не разговаривает?

Неужели уже десять, на самом деле? Нет, даже больше. Вот ведь, как время-то летит... Вообще-то да, если вспомнить, сколько всего за это время с ней послушалось... Как растила Марьянку, крутясь на двух работах, чтобы в доме было хоть что-нибудь, как вышла потом второй раз замуж – и так хорошо получилось, кто бы ожидал, как бросила работу и начала рисовать всерьез, как родила еще сына – и правда, десять с лишним лет наберется... Но все равно, когда вспоминаешь, как уходила тогда с пятилетней Марьянкой из этого дома, в ночь, в никуда...

Они поженились так рано, такими молодыми и глупыми... Марина до сих пор не понимает, что дернуло ее выйти замуж за этого Мишу, она и не знала его совсем. Он учился на другом курсе, на другом факультете. Появился внезапно возле нее – и больше не уходил. Разогнал постепенно всех прочих мальчиков, и даже ее подружкам от него доставалось. Он ревновал ее, а ей, молоденькой дурочке, тогда это льстило. И внимание льстило, и вечные эти розы зимой. И то, что уже через два месяца знакомства он настойчиво стал звать ее замуж. Вот только зачем она согласилась... Хотя... Там был такой роскошный дом, и очаровательная мама, и пapa – генерал. Марина никогда раньше не видела такого блеска, в ее семье все были скромными инженерами... Огромная квартира, шикарная мебель, отдельная ванная для них с Мишкой – это в московской-то квартире, в доевроремонтные времена... Конечно, все равно дура была, это теперь она знает, что свободу нельзя менять ни на какие житейские блага, но тогда...

А именно свободой ей пришлось заплатить за все обретенное внешнее великолепие. Нет, ее никто ни в чем не притеснял, и мама, и пapa-генерал были с ней очень ласковы, называли доченькой, а Мишка – тот вообще только что не на руках носил. Но почему-то ей было так трудно там находиться, даже дышать. До замужества она ощущала себя такой легкой, веселой, заводной – а тут ее сразу как подменили... Ей не хотелось больше ни петь, ни смеяться. Она стала одеваться в какие-то серые, бесцветные вещи, и даже рыжие кудри, казалось, выцвели и поблекли. У нее было все – а счастья не было.

Ей было страшно стыдно – ее так все любят, так заботятся, а она тоскует. И главное – о чем, с чего? Она и сама не могла бы ответить на этот вопрос. Возможно, конечно, причина крылась в ее самочувствии – она забеременела через три месяца после свадьбы, ее постоянно мучило в дополнение к уже привычной душевной тоске, и даже мишкин восторг слабо скрывал общую поганость.

А Мишка действительно был в восторге. Он вообще был в каком-то непреходящем восторге с самой свадьбы, но тут его радость стала зашкаливать за все мыслимые показатели. Марина сказала ему о своей беременности с самого первого дня, как только сама поняла – и он тут же решил, что это будет сын, и обнимал ее, и гладил все время пока еще совершенно плоский живот, и прижимался ухом – слушал, как там малыш. Уверял, что слышит какие-то позывные... Марина про себя думала, что это, наверное, на самом деле бунтует ее измученный желудок – тошнота не прекращалась ни на минуту, а от мишкиных прыжков вокруг только усиливалась.

Так продолжалось до шести месяцев – а потом Марина упала. Была зима, мороз, гололедица... Они вышли с Мишкой погулять вечерком, «Подышать маленького», как называл это Мишка, он вел ее под руку по дорожке – и вдруг нога у нее подвернулась, ступив на присыпанный снегом лед, она не удержалась, он не сумел ее подхватить...

Все кончилось через два дня в больнице. Роскошный закрытый генеральский госпиталь, отдельная палата, ласковые врачи... Ей сказали, что это и в самом деле был мальчик... Ска-

зали, что она молодая, что все обязательно будет в порядке, надо лишь подождать полгода... Цветы, фрукты...

Эти полгода она вообще не жила. Страх и тоска стали только сильнее, и тошнота, казалось, никуда не ушла. И почему-то она не могла отделаться от бредовой мысли, преследующей ее и наяву, но чаще во сне – о мишкиной руке, нарочно толкающей ее на этот проклятый лед. Абсолютное безумие, днем она хотя бы могла прогнать эти мысли, сама себе ужасаясь, но ночью они возвращались к ней в снах. И с утра было горько во рту и совестно перед таким ласковым, таким всепонимающим Мишкой...

Он действительно все понимал. Временами ей казалось – даже больше, чем все. Он все знал за нее, иногда раньше, чем она понимала что-то сама. И все решения принимал тоже он, превращая Марину в прелестную беззаботную куколку, предупреждая – или направляя – любую ее потребность, особенно в каком-либо общении с внешним миром. Внешний мир был вытеснен им из марининого образа жизни. Никаких подруг, не говоря уже о поклонниках, которые когда-то вились вокруг нее толпами, не было уже и в помине. Миша не любил даже, когда она о них вспоминала. Марина иногда думала – вот тоже бредовая идея – что он умеет читать ее мысли, так иногда точно он реагировал на какие-то еще невысказанные ею слова. Это было и лестно, и почему-то страшно. Тем более удивительно было то, что следующую свою беременность ей все же удалось от него скрыть.

Она сама не знала, почему. Говорила сама себе, что это глупое суеверие, что никакого сглаза нет в природе, и что уж тем более те, кто ее так любят, сглазить не могут – и все равно, молчала, как партизан, зажимая по утрам рот, незаметно убегала в ванную, симулировала месячные в нужный срок... И так полгода, до того самого, страшного, срока... Потом открылась – ко всеобщему, несколько ошарашенному, впрочем, восторгу... Миша снова был счастлив – Марине казалось, впрочем, что меньше, чем в прошлый раз. Во всяком случае общаться с ребенком до родов он не пытался. Самым ярким проявлением отцовских чувств было его желание присутствовать на родах, и это было бы вполне реально – в госпитале готовы были пойти навстречу желаниям генеральского сына – но Марина отказалась наотрез, сама не понимая, почему.

Марьянка родилась – все в том же роскошном госпитале – совершенно здоровая, абсолютно прекрасная, точно в срок. Взяв дочку на руки в первый раз, Марина почувствовала какой-то совершенно небывалый прилив сил, спокойствие и счастье просто переполняли ее – и никуда не исчезли потом. Даже когда она вернулась с Марьянкой домой, легкость и радость, вопреки ее опасениям, остались с ней.

А вот отношения с мужем испортились. Он явным образом ревновал ее к дочке, отказывался хоть как-то помочь в непрекращающейся возне вокруг ребенка, был сумрачен и часто зол. Его всепонимание загадочным образом куда-то исчезло, и после разговоров с ним – а они все чаще происходили на повышенных тонах, Марина уставала и не всегда сдерживалась – ей все чаще казалось, что она живет в одном доме с совершенно чужим человеком. И вообще непонятно, зачем она тут оказалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.